

docs/publishing/sprav-putevod/sprav_admter.rtf (дата обращения: 01.08.2011).

СССР по районам: Северный Кавказ / под ред. М. В. Вольфа и Г. А. Мебуса. Л., 1928.

Тархов С. А. Историческая эволюция административно-территориального и политического деления России // Регионализация и развитие России: географические процессы и проблемы / под ред. А. И. Трейвиша и С. С. Артоболевского. М., 2001. С. 191—213.

Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // Отеч. зап. 2002. № 6. С. 10—16.

Тархов С. А. Изменения административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. 2008. № 15. С. 1—32; № 21. С. 1—32.

Урал в составе Московского государства XVII в.: административно-территориальное деление и управление [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history-ural.ru/ural-v-sostave-moskovskogo-gosudarstva-xvii-v/52-administrativno-territirialno-e-delenie-i-upravlenie.html> (дата обращения: 01.08.2011).

Уральский районный справочник : прил. к сб. «Урал после районирования». Свердловск, 1926.

Усягин А. В. Территориальное управление в России: теория, история, современность, проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.terrus.ru/mono/r3/3.2.1.shtml> (дата обращения: 01.08.2011).

Фертаун П. Итоги административного районирования Урала // Экономика. 1925. № 8/9.

Шульгина О. В. Административно-территориальное деление России в XX веке (историко-географический аспект) : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. 419 с.

Яркова Е. И. К вопросу о дате образования Екатеринбургской губернии // Административно-территориальные реформы в России : материалы регионал. науч.-практ. конф. к 225-летию учреждения Пермского наместничества. Пермь, 2006. С. 146—150.

УДК 94(47).083

Л. О. Горбачева

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме эффективности официальной российской пропаганды в годы Первой мировой войны. Делается вывод, что главными ошибками российской правящей элиты стало отсутствие подготовки массового сознания к войне, преобладание антианглийских сюжетов над антинемецкими а также преимущественное изображение немцев в гротескно-юмористическом ключе, что вело к недооценке противника.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пропаганда; Первая мировая война; массовое сознание; образ врага.

Составной частью внутренней политики стран-участниц Первой мировой войны стало формирование системы пропаганды, имевшей целью как психологическое давление на противника, так и обеспечение поддержки действий властей населением. Недооценка правительствами отдельных государств важности пропаганды как психологического оружия привела к серьезным для них последствиям. Именно такая ситуация наблюдалась в России. Недостатки в организации и содержании пропагандистской деятельности в стране отразили общую неготовность России к войне и стали одной из причин ее поражения. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются содержание российской пропаганды в период Первой мировой войны и причины ее недостаточной эффективности.

Мобилизация коллективного духа является не менее важной задачей, чем мобилизация людских масс, но в России этому не уделялось должного внимания. Первые недели войны характеризуются мощным и глубоким общественным подъемом, но он был недолгим, поскольку не подкреплялся истинным развитым национальным чувством. Чтобы был возможен эффект, достигнутый в сфере воздействия на общественное сознание в стане союзников России — Британии и Франции, требовалось длительное воспитание общества — так называемая индоктринация [см.: Протасов, с. 10]. Западные ученые используют в отношении общества термин «самомобилизация» (наряду с государственной мобилизацией), но вряд ли есть основания считать этот процесс характерным для российской действительности того времени [см.: Холквист, с. 84].

Российская правящая элита полностью осознала важность идеологической обработки общества только после вступления России в войну и предприняла ряд шагов для обоснования легитимности позиции России в текущем мировом конфликте и необходимости ее участия в нем. Общим сигналом к началу интенсивной антинемецкой кампании стала речь Николая II, произнесенная 4 августа 1914 г. перед гласными Московской городской думы. Результатом выступления явился погром, учиненный толпой 5 августа в германском посольстве при полном невмешательстве полиции. С этого времени центральные газеты и журналы начали усиленную агитацию под германофобскими лозунгами, которые обосновывались «тевтонской опасностью» и жестокостями немцев в отношении населения оккупированных территорий, а позднее и военнопленных [см.: Деннингхаус, с. 329].

Осуществление пропаганды было невозможно без усиления цензуры. Правительственные круги рассматривали печать как важнейшее средство формирования мировоззрения российского общества, поэтому в условиях военного времени необходимо было обеспечить полный контроль над выпуском печатной продукции на территории России. С этой целью еще

до начала боевых действий, в июле 1914 г. российское правительство издает распоряжение о чрезвычайной охране губерний — «Именной Высочайший Указ о принятии исключительных мер к взыщому охранению во всех местностях Империи порядка и общественной безопасности». [см.: Авербах, с. 58]. В соответствии с распоряжением губернаторы получили право запрещать все народные и общественные собрания, приостанавливать функционирование органов периодической печати, закрывать общества и союзы. Современники отмечали, что над периодическими изданиями нависла угроза закрытия за малейшее высказывание против войны.

20 июля 1914 г. было введено Временное положение о военной цензуре [см.: Там же, с. 17], согласно которому просмотру военной цензурой подлежали тиснения, эстампы, рисунки, фотографии и прочие изображения художественного творчества, почтовые отправления и телеграммы, тезисы и конспекты речей и докладов для публичных собраний.

С началом боевых действий при Главном управлении Генштаба были организованы ежедневные собеседования с представителями прессы, на основании которых обзоры военных действий во многих периодических изданиях выходили с пометкой «из бесед».

В связи с безграмотностью большинства населения страны более важным средством формирования образа врага в массовом сознании, чем пресса, стала лубочная картинка. Несмотря на то, что с помощью лубка собственное видение войны до широких слоев населения стремились донести и представители творческой интеллигенции, большинство исследователей, принимая во внимание мощное идеологическое воздействие лубочной картинки на широкие слои населения, сходятся во мнении, что существовал государственный заказ на издание этого вида полиграфической продукции [см.: Родионова, с. 71; Сенявская, с. 252]. Война всегда востребует лубок в агитационных, пропагандистских целях благодаря его доходчивой наглядной форме и возможностям массового распространения. Эти качества делают лубок очень эффективным каналом пропаганды, но при условии, что форма наполнена адекватным содержанием.

Российское общество вступило в войну, не понимая, за что оно, собственно, воюет. Национальная идея подменялась барабанным пафосом. Официальная пропаганда называла Первую мировую войну «второй Отечественной», апеллируя к памяти о войне 1812 г. Однако все военные действия велись на окраинах Российской империи или за ее пределами. Именно на этом основании война как фактор жизни и поведения социума не проникла глубоко в общественное сознание. Лозунг защиты собственного дома не работал. Это обстоятельство не способствовало приобрете-

нию войной характера отечественной, как в 1812 г. и в Великой Отечественной войне. Если бы это произошло, то могло бы стать одной из предпосылок формирования национального чувства, пусть и запоздалого. Нараставшее общественное недовольство и раздражение направлялись не на внешнего врага, угрожавшего целостности и независимости страны, а на собственное правительство, не способное решить многочисленные насущные проблемы страны.

Ситуация усугублялась отчужденностью правящих кругов от общества, а также несоответствием Николая II народным представлениям об образе настоящего монарха. Трагическая разобщенность власти и общества к концу 1916 г. превратилась в пропасть, и в России она ощущалась гораздо сильнее, чем в других воюющих странах [см.: Протасов, с. 11]. В случае своевременного осознания этой проблемы пропаганда в интересах сохранения монархии могла бы заранее — до войны или на начальном ее этапе — взять на себя функцию формирования четкого образа внешнего врага как источника всех бед. Путем умелого направления общественного недовольства вполне реальным было бы некоторое снижение напряженности в обществе и смягчение разногласий между массами и правительством.

На начальном этапе войны власти предприняли попытку выставить главным источником бед российских немцев, но эта мера была неэффективной и даже приводила к обратному результату. Негативное отношение к немцам распространялось и на саму власть, виновную в том, что она допустила занятие немцами видных позиций в обществе. Кроме того, объектом пропаганды против «внутреннего немца» являлось главным образом гражданское население, которое с этим немцем непосредственно соприкасалось. Что касается действующей армии, имевшей дело с настоящим врагом, то до нее эта пропагандистская волна практически не докатилась.

Другим концептуальным просчетом российской пропаганды стало сосредоточение значительных усилий и средств на кампаниях, направленных не против Германии, а против Англии, которая как союзник не оправдывала ожиданий.

В российском обществе существовали определенные стереотипы восприятия Англии и англичан, хотя полного единодушия в этом вопросе не было: традиционному англофильству многих русских либералов и части консерваторов противостояла англофобия правых, в представлении которых Англия вообще была «империей зла», а их неприятие государственного и общественного устройства Британии подкреплялось геополитическими противоречиями между двумя державами. В то же время для русских либералов Англия была «любимой дочерью свободы»

и «родиной парламентаризма», а образ фрондера-завсегдатая Английского клуба стал уже своеобразным штампом [см.: Колоницкий, с. 274]. Что касается российского общества в целом, то симпатии к английской культуре в нем преобладали над враждебностью. Исключение составляли кризисные периоды, когда резкая критика Британии со стороны правых подчас находила в обществе сочувственный отклик.

Взаимная доброжелательность и союзнический настрой — так характеризуются отношения между Россией и Британией накануне войны и в ее начальный период в мемуарах Джорджа Бьюкенена, посла Великобритании в России с 1910 по 1918 г. Бьюкенен живописует российско-британские отношения если не как вполне идиллические, то весьма доброжелательные. Единственным камнем преткновения в них является Персия, но, как заключает Бьюкенен, здравый смысл, твердая приверженность длительной дружбе между двумя народами, а также теплые и доверительные личные отношения между представителями парламента, церкви, армии и флота Великобритании с соответственными представителями России, установившиеся после преодоления англо-русским соглашением острых моментов в 1911 г., помогли успешно разрешить все противоречия и уладить все разногласия в данном вопросе [см.: Бьюкенен, с. 88]. И тем не менее Бьюкенен замечает, что в массовом сознании сохранялось некоторое недоверие по отношению к Англии, опасение, что союзнические обязательства между двумя странами недостаточно прочны. «В течение первых трех дней войны моя позиция была не из приятных. Беспокойные толпы собирались перед посольством, требуя известий из Лондона и в далеко не дружеском тоне справлялись, может ли Россия рассчитывать на нашу поддержку» [см.: Там же, с. 140]. На присутствие в российском массовом сознании уже с самого начала войны мотива непонимания и нежелания понять Россию союзниками указывает О. С. Поршнева [см.: Поршнева, с. 93].

Тем не менее с началом войны в обеих странах журналисты сразу взялись за работу по созданию образа доблестного союзника. Это достигалось акцентированием тех качеств, которые более всего могли понравиться читателю. Англия представала как страна неистощимого оптимизма, технического прогресса и мощного флота [см.: Сорока, с. 53]. В свою очередь, российские правые, которых раздражали и пугали расширяющиеся контакты между российскими либералами и различными британскими миссиями, с самого начала военных действий утверждали, что при любом исходе войны плоды победы достанутся лишь англичанам. Антианглийская пропаганда падала на благоприятную почву, затрагивая не только правые круги. Многие в России объясняли страшные поражения

1915 г. «бездействием» союзных армий и флотов, причем особое негодование вызывала именно Англия. Вскоре Великобритания стала изображаться как держава, ведущая войну ради обеспечения собственной гегемонии в послевоенном мире. Уже в 1915 г. для российского общества, уставшего от войны, понятие «военный союз с Британией» и понятие «война до победного конца», которое уже стало приобретать одиозный оттенок, слились воедино, а фотографии веселых англичан на страницах российской прессы, играющих в футбол в перерывах между боями, могли только раздражать читателя. Они убеждали его, что англичане продолжают богатеть за счет военных заказов и кредитов, опутавших Россию с головы до ног. К тому же со временем становилось все более ясно, что, несмотря на техническую и финансовую помощь союзников, Россия сражается с германскими, австро-венгерскими и турецкими армиями в одиночку.

Возмущение вызвали и финансовые переговоры с союзниками. Комментируя их ход, русская пресса охарактеризовала Антанту как «союз лошади и человека», подразумевая, что неблагодарная роль тягловой силы в этом альянсе отводится России. Обострение геополитических противоречий, находившее отражение при обсуждении проблем послевоенного устройства, также способствовало нарастанию антианглийских настроений [см.: Бьюкенен, с. 98]. Наконец, общественное мнение преувеличивало степень влияния Британии на русскую политику в целом. Американский военно-морской атташе вслед за своими русскими собеседниками даже сообщал, что влияние британского посла едва ли уступает влиянию самого императора. По его словам, это крайне раздражало многих русских, некий известный деятель якобы даже сказал: «Неужели мы воюем лишь ради того, чтобы сменить хозяев?» [см.: Колоницкий, с. 275].

Эти настроения не были секретом для германского командования. В обзоре положения в России, составленном германским военным ведомством, говорилось, что русские объясняют неудачи своего оружия пассивностью Франции и Британии, что англичане, по их мнению, будут воевать до последнего русского солдата [РГИА, ф. 1470, оп. 2, д. 100, л. 5, 85, 164—165, 168, 290]. Германские газеты с удовлетворением отмечали: «В России недовольство Англией растет», и этим немцы не преминули воспользоваться для разжигания вражды между союзниками по Антанте. Англофобия не была секретом и для британской прессы: «До сих пор существует некоторое недоверие к Англии, недоверие, в котором сами русские едва ли отдают себе отчет», писала «Times» в конце 1915 г. [см.: Колоницкий, с. 275]. Летом 1915 г. корреспондент «Times» Р. Уилтон сообщал из британской ставки английскому министру обороны лорду Китченеру, что русская пресса по заданию Германии агитирует против

союзников [см.: Сорока, с. 53]. Появление немалого количества статей и памфлетов, направленных против Британии, отмечалось и в донесениях русской полиции.

Тем не менее, несмотря на существование германофильских настроений среди определенной части российской политической элиты, до 1916 г. нет оснований говорить об активной антибританской агитации в российских средствах массовой информации. Показательным в этом отношении является пожалование в 1916 г. Бьюкенену звания почетного гражданина Москвы и все те многочисленные «выражения дружбы и симпатии» к Британии в целом, которыми сопровождалась сама процедура присвоения ему этого звания, дававшие определенные основания верить, что «англо-русская дружба обеспечена на вечные времена», или по крайней мере их иллюзию [см.: Бьюкенен, с. 171].

Поворотным моментом, ознаменовавшим изменение в отношении правительственных кругов России к Британии, Бьюкенен считает назначение 7 июля 1916 г. на пост министра иностранных дел вместо С. Д. Сазонова Б. В. Штюрмера, известного своим прохладным отношением к Англии. Последнего английский посол характеризует как реакционера с германофильскими симпатиями, в союзе России с западными демократиями видевшего прежде всего опасный канал проникновения в Россию либеральных идей, способных пошатнуть самодержавный строй [см.: Там же, с. 171].

Бьюкенен считал, что статьи издававшегося П. Ф. Булацелом журнала «Российский гражданин», которые имели особую антибританскую направленность и вызвали в обществе широкий резонанс, были инспирированы именно Штюрмером. Булацель начал с борьбы против моды на англофильство, а затем стал обличать английское проникновение в Россию, которой грозит участь превратиться в «огромную английскую колонию». Журнал задавался вопросом о том, не является ли война для Британии выгодным громадным торговым предприятием. Он также давал понять, что именно английское правительство противится признанию за Россией проливов и Константинополя. Когда летом 1916 г. Булацель заявил в своем издании, что английская армия за все время войны продвинулась «на несколько сот метров» [см.: Российский гражданин, 1916, № 29, с. 13—14], разразился настоящий дипломатический скандал. Британский посол выступил с официальным протестом, в конфликт были вовлечены и монархи обеих стран. Георг V обратился с личным посланием к российскому императору с утверждением, что германские агенты в России ведут пропаганду против Англии. Булацель в конце концов принес извинения, союзники заверяли друг друга в дружбе, а «Российский гражданин» был подвергнут предва-

рительной цензуре. Казалось, конфликт был урегулирован. Однако затем цензура была снята, и Булацель продолжил антианглийскую кампанию. Себя он представлял как жертву «английского засилья»: «...русские газеты могут в самых грубых выражениях отзываться о российских министрах, но не имеют права упоминать о речах английских премьеров иначе как с подобострастным восхвалением каждого слова, вырвавшегося из уст английских ораторов». Это не помешало ему продолжить атаку на британского союзника; он даже заявил, что король Британии сам возглавляет ненавистное английское масонство [см.: Российский гражданин, 1916, № 37, с. 2]. Здесь следует заметить, что позиция Булацеля была резкой настолько, что вызвала протесты даже ряда правых, включая и В. М. Пуришкевича. «Общество 1914 года» потребовало привлечения Булацеля к суду за государственную измену и направило делегацию к британскому послу. В ответ на выступление «Российского гражданина» были устроены англофильские демонстрации. В начале 1917 г. англофобия «Российского гражданина» в некоторых отношениях даже превзошла его антисемитизм, и еврейские предприниматели отныне стали восприниматься как «меньшее зло» по сравнению с «английскими джентльменами» [см.: Там же, 1917, № 5, с. 12].

Бьюкенен в 1916 г. открыто указывал Николаю II на рост германского влияния и на проводимую антибританскую кампанию. Он подчеркивал масштабность этой кампании, осуществляемой не только в Петрограде, но и в Москве, император же уверял Бьюкенена в необоснованности опасений, что германофильская группировка сможет взять верх, и тот, кто заводит речи о сепаратном мире, тем более выгодном для Германии, — изменник Родины [см.: Бьюкенен, с. 181].

Но в атмосфере нарастания недоверия к союзнику воскресали былые обиды, возрождались старые стереотипы. Часть русского общества полагала, что Великобритания старается переложить все тяготы войны на плечи своих союзников, но в то же время стремится лишить их плодов грядущей победы.

Нередко утверждалось, что решительного конфликта между Россией и Англией нельзя будет избежать. Подобные настроения затрагивали и высшие сферы: великий князь Борис Владимирович даже заявил британскому офицеру, что он убежден в неизбежности войны с Англией по окончании «этой войны» [см.: Колоницкий, с. 278].

С другой стороны, российское правительство и военные власти порой шантажировали британского союзника антианглийскими настроениями в своей стране, стремясь выторговать максимум уступок во время дипломатических и военных переговоров. Порой они провоцировали появление в русской прессе материалов, критикующих союзников. Так, в июне 1915 г.

в «Биржевых ведомостях» была опубликована статья, в которой вооруженные силы союзников резко критиковались за бездеятельность; считалось, что за этой публикацией стояла русская ставка [см.: Там же, с. 278].

Отношение к Великобритании подчас становилось лакмусовой бумажкой для российских политических сил: наблюдатели писали о борьбе «немецкой» и «английской» партий. Знаком оппозиционности режиму вновь становилось англофильство.

Как уже отмечалось выше, пик антианглийской кампании пришелся на 1916 г. После Февраля антианглийские настроения уже не имели значительного распространения. Британский посол писал, что после 1916 г. антибританская кампания быстро пошла на спад. В телеграмме Министерству иностранных дел от 18 февраля 1917 г. он констатировал: «Хотя на нас иногда производятся нападки в реакционной уличной прессе, однако антибританская кампания умерла, и англо-русские отношения никогда не были лучше, чем в настоящее время» [см.: Там же]. Революция воспринималась как победа «над немцем внутренним»; дни революции сопровождались демонстративными проявлениями англофильства.

Третий серьезный просчет российской правящей элиты касается собственно образа врага и заключается в том, что немцы чаще всего изображались пропагандой в юмористическом ключе. Это прежде всего характерно для каналов пропаганды, рассчитанных на широкие круги российского общества.

Автор небольшой книжки «Война и лубок», изданной в 1916 г. в Петрограде «Новым журналом для всех», Вл. Денисов отмечал, что определяющее влияние на формирование отношения народных масс к врагу в начальный период войны оказали л у б о ч н ы е к а р т и н к и, которые «полетели в глубине России, обгоняя газеты и правительственные сообщения». Денисов писал: «Прежде, чем деревня разобралась, как следует, “за что” и с кем “погнали народ воевать”, она уже видела немца — в каске, в синей одежде (тогда как “своих” лубок заботливо облекает в защитный цвет), с торчащими прусачьими усами. Немец-солдат сразу заслонил собою настрявшие “до чертей” образы немца-управляющего, немца-заводчика, немца-аптекаря, садовника, колониста. Все накрылось одной каской и, сосредоточив на этом символе всю изобретательность рисунка, всю колкость насмешки и пыл негодования, лубочная картинка немало способствовала популярности войны в народе» [см.: Денисов, с. 1].

Итак, именно лубочные картинки формировали основу официально-пропагандистского образа врага. Российской власти было необходимо не упускать этот факт из виду и, учитывая серьезное идеологическое воздействие лубков, наполнить их более адекватным для военных условий содержанием. Но поскольку значение этого фактора было недооценено,

лубочные картинки как канал и средство пропаганды в период Первой мировой войны, оказавшись эффективными по форме (имеется в виду их доступность и массовость распространения), были неэффективны по содержанию. Как и германская, российская пропаганда ориентировались на сатирическое, юмористическое изображение противника. Подобные насмешливые, снисходительные, даже презрительные характеристики врага, подтрунивание над ним и гиперболизация образа защитника, как правило, бывают связаны с подсознательным стремлением развеять собственный страх перед противником. Но при этом, во-первых, лубочные картинки не способствовали формированию ожесточения и ненависти к немцам как к врагам в массовом сознании; во-вторых, столкновение с реальным врагом оборачивалось полной неожиданностью и в результате пропаганде просто переставали верить. Совсем иной подход к изображению врага демонстрировала английская пропаганда. Она была более грубой и не гнушалась никакими средствами. Помимо успехов с организационной точки зрения, английская и американская пропаганда оказались совершенно правильными и в психологическом плане. Например, отличительной особенностью антинемецкой кампании в Великобритании стала так называемая «пропаганда ужасов», в ее важную составляющую превратились отсекающие руки и расстреливающие медсестер немецкие «гунны». Изображая немцев как гуннов и варваров, англичане и американцы подготавливали своих солдат ко всем ужасам войны.

Следует отметить, что по сравнению с лубочными картинками, для лубочной литературы был более типичен образ врага-зверя. В частности, на такой направленности лубочной литературы периода Первой мировой войны акцентирует внимание Бен Хеллман. Возможно, он все же утрирует реальное положение дел, утверждая что, немцы оставались «кроважадными зверями» во всех ситуациях [см.: Хеллман, с. 32]. Хеллман анализирует и сатирический аспект лубочной литературы, полагая, что по своему воздействию он уступал образу «врага-зверя». Выражение «немецкое зверство», очевидно, возникло в связи с трагическими событиями в городе Калише в самом начале войны. Самым шокирующим обстоятельством этого эпизода была жестокость, проявленная немецкой армией к гражданскому населению. Последовавшие затем схожие события в Ченстохове, Левене и Реймсе как будто подтвердили, что враг не останавливается ни перед чем, что он уже перешел все границы человеческого. Тема немецкого зверства мгновенно приобрела популярность в лубочной литературе. Тем не менее в России лубочная литература не получила такого широкого распространения, как лубочные картинки. Обычный тираж книги — 4 тысячи экземпляров, второе издание было ред-

костью. Эта цифра превышает соответствующие показатели для издаваемой в то время элитарной литературы, но немногочисленность круга потребителей книжного лубка все же очевидна. Покупка книг еще оставалась привилегией незначительной группы населения, а самым большим препятствием являлась при этом не цена, которая была более чем умеренной, а массовая неграмотность. Образ немцев как варваров возникал и на страницах п у б л и ц и с т и к и периода Первой мировой войны, но потребителями данной продукции оказывался еще более ограниченный круг читателей, тогда как лубочная картинка ориентировалась на широкие слои населения.

Таким образом, в качестве ошибок российских верхов в области пропаганды во время Первой мировой войны в первую очередь следует назвать недооценку необходимости подготовки общественного мнения к предстоящей войне. Масштабная война вполне могла консолидировать российское общество, но общественное сознание не было подготовлено к ней должным образом.

Во-вторых, функцию образа врага в пропаганде частично взяли на себя англичане, недобросовестно выполнявшие свой союзнический долг. Хотя в первый год войны, как замечает О. С. Поршнева, чувство «общего дела» и убеждение в необходимости справедливости и моральной оправданности действий стран Антанты против германской агрессии являлись определяющими мотивами военного дискурса, находившими отражение в массовом сознании, уже в конце 1914 г. антисоюзнические настроения начали появляться на фронте и в тылу. Это было спровоцировано катастрофой в Восточной Пруссии, началом кризиса военного снабжения и общим затягиванием войны [см.: Поршнева, с. 94]. Эти настроения отвечали не только интересам правых изданий, отличавшихся англофобской направленностью, но и в определенном смысле были выгодны правительству для использования их в качестве козыря в переговорах с союзниками. Ошибкой Николая II было то, что он в этой ситуации допустил усиление прогерманской «партии», что не могло не оказать влияния на общественное мнение в стране. Первоочередная задача любой пропаганды в условиях войны — формирование ясного и четкого образа врага — утратила для российских правящих кругов свою прежнюю значимость. Результатом стало отвлечение общественного внимания от врага-немца и направление общественного недовольства и неприятия на англичан, которых стали считать главными виновниками неудач России в войне. Тем самым российская власть играла на руку немцам. Ситуация с усилением антианглийских настроений в российском обществе была использована Германией для начала антисоюзнической пропаганды в рос-

сийском обществе и планомерной работы по разложению русских войск.

В-третьих, совершенно нецелесообразными были настойчивые попытки представить противника в смешном виде. Ошибка заключалась в том, что на деле солдатам приходилось сталкиваться совершенно с иным противником, чем с тем, каким он изображался в прессе. Это обескураживало и дезориентировало. Солдат чувствовал себя обманутым и в результате переставал верить пропагандистской печати в целом.

Авербах О. И. Законодательные акты, вызванные войной 1914—1915 гг. Т. 1. Пг., 1916. 729 с.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. 344 с.

Денисов В. Война и лубок. Пг., 1916. 46 с.

Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1491—1941). М., 2004. 504 с.

Колоницкий Б. И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 271—287.

Поршнева О. С. Союзники глазами русского общества в начальный период Первой мировой войны // Вопросы всеобщей истории. Вып. 11 : Запад, Восток и Россия: историк и время. Екатеринбург, 2009. С. 84—93.

Протасов Л. Г. Первая мировая война как фактор русской революции // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны: к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений : материалы междунар. науч. конф. 11—12 ноября 2008 г. Тамбов 2009. С. 9—11.

Родионова Л. В. Образы Первой мировой войны в русской лубочной картинке // Науч.-иссл. работа в музее : докл. на IX междунар. науч.-практ. конф. МГУКИ, 30 ноября — 1 декабря 2006 г. М., 2007. С. 71—78.

Российский гражданин. 1916—1917.

Семенова Е. Ю. Печатная продукция как средство массовой пропаганды в период Первой мировой войны в свете материалов фондов ГАРФ и РГАЛИ // Архивные документы как источник формирования представлений об истории Отечества : материалы 37-й Всеросс. заочн. ист. конф. СПб., 2005. С. 149—162.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.

Сорока М. Е. «Просвещенные мореплаватели»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны // Российская история. 2010 г. № 5. С. 49—56.

Хеллман Б. Реймский собор разрушен! : Об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны // Встречи и столкновения: статьи по русской литературе. Хельсинки, 2009. С. 30—42.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914—1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война... С. 83—102.